

*Н.И. Тетерина,
кандидат искусствоведения,
ст. научный сотрудник
Государственного института искусствознания*

Композитор, пианист, педагог Александр Иванович Дюбюк (1812 – 1897) 200 лет со дня рождения

Александр Иванович Дюбюк остался в памяти потомков прежде всего как автор многочисленных романсов, популярность которых не уступает известным вокальным шедеврам М. Глинки и А. Алябьева. Песни «Не брани меня, родная», «Ах! мороз, мороз», «Улица, улица ты, брат, пьяна» с самого детства известны всем любителям отечественного вокального искусства. Этой стороне дарования Дюбюка посвящены многие статьи и крупные исследования. Среди последних назовем изданный в 1997 г. сборник «Романсы московского гуляки» со вступительной статьей Е.Л. и В.С. Уколовых «Творчество и судьба Александра Дюбюка».

Странная и с трудом выговариваемая его фамилия *Дюбюк* была переделанной на русский лад с французского – *дю Бюк*, а будущий композитор был либо сыном, либо внуком маркиза Жана-Шарля-Луи дю Бюка де Бримо, политического эмигранта, перебравшегося в Россию. Отец Дюбюка скончался в 1830 году во время эпидемии холеры в Москве. Впрочем, Дюбюк к тому времени уже полностью сложился как прекрасный пианист, один из лучших учеников Джона Фильда и очень известный фортепианный педагог.

Имя молодого Дюбюка упоминается среди группы писателей, поэтов и артистов близких к журналу «Москвитянин». Многолетняя дружба связывала его с поэтом А. Григорьевым, историком М. Погодиным, драматургом А.Н. Островским.

Гостеприимный дом композитора любили посещать все московские музыканты. «...мы собирались по вечерам у А.И. Дюбюка, – вспоминал Н. Кашкин, – очень радушного и хлебосольного хозяина. Петр Ильич [Чайковский] восхищался его действительно замечательной игрой на фортепиано; в исполнении сочинений Фильда и вообще композиций той эпохи ему решительно не было равно. Кроме того, А.И. Дюбюк всегда был веселым, чрезвычайно остроумным рассказчиком и собеседником. К числу прочих талантов он присоединял еще талант повара и готовил тут же при нас превкусные ужины, во время которых веселые беседы не умолкали».

С момента открытия Московской консерватории в 1866 г. по приглашению Н. Рубинштейна, Дюбюк стал профессором фортепианного класса, а его «Техника фортепианной игры» была принята как официальное руководство. Однако в 1872 году он выбыл из числа профессоров, написав в письме к Чайковскому, что не хочет «играть смешную роль где бы то ни было и еще более в Консерватории».

Из фортепианных учеников Дюбюка наиболее известны М. Балакирев, Н. Кашкин, Г. Ларош, Л. Малашкин, Н. Зверев. Последний, кстати, тяжело заболел в 1886 г., отправил своего ученика Матвея Пресмана заниматься к своему учителю: «Дюбюк был в то время глубоким стариком – ему было уже года 74, – вспоминал позднее Пресман. – Он был среднего роста, широкоплечий и тучный. Своим круглым, полным, гладко

выбритым лицом, с хорошо сохранившимися волосами на голове он походил скорее на старую женщину, чем на мужчину. По его внешнему виду никак нельзя было сказать, что он имеет какое-либо отношение к пианизму. Трудно было себе вообще представить его играющим на фортепиано. Помню, что в программу, входили Концерт As-dur Фильда и этюд “Les mouches” [“Мухи”] самого Дюбюка. Обстановка квартиры и самый вид Дюбюка ни к какой художественности не располагали. С первого же урока, когда я во время непродолжительной паузы опустил левую руку на ногу, Дюбюк резко мне заметил: “Ты бы уж лучше руку в карман клал и вынимал её каждый раз, когда нужно играть!” Тут же он поднял меня с места у рояля и сел за него сам. То, что я услышал, так поразило меня, что я, затаив дыхание, с раскрытым ртом и удивлённым лицом весь превратился в слух. Меня глубоко поразило то, что у этого тучного старика его толстые, как огурцы, пальцы бегали с такой лёгкостью и чёткостью, а старый, вдребезги разбитый инструмент поразительно красиво пел. Заметив произведённое на меня его игрой впечатление, он самодовольно улыбнулся и снова посадил меня за рояль. Особый интерес представляла для меня его трактовка Концерта Фильда, который сам Дюбюк проходил ещё с Фильдом. Он внёс в его исполнение много интересных, даже не напечатанных в нотах деталей, а исполнением своего этюда “Les mouches” просто поразило меня: я никак не мог себе представить, что в таком возрасте и при такой внешности можно было нарисовать такую картину полёта и жужжания мух».

То, что для современников было самым ценным и непреходящим, для сегодняшних музыкантов почти ушло в небытие. Кто помнит сейчас дюбюковские фортепианные транскрипции песен Шуберта, романсов Глинки и Алябьева, сочинений Вебера, Доницетти и Верди? Кто из вокалистов знает его сборники «50 малороссийских песен», «130 русских народных песен», три книги «Песен московских цыган»?

Каталога произведений Дюбюка как не было, так и нет. Также как нет и полноценных записей его музыки. Хотя сочинения, распределённые композитором на опусы, имеют более 300 номеров. Одним словом, на долю исполнителей и музыковедов осталось здесь ещё очень и очень много интересной и нужной работы.